

Правда, Москва, 1967, 24 апреля

КРЫЛЬЯ ПЕСНИ

Завтра исполняется шестьдесят лет со дня рождения лауреата Ленинской премии композитора В. Соловьева-Седого.

Ко всем определениям нашего века — атомный, космический — можно с полным основанием добавить эпитет: песенный. Песня стала таким же спутником планеты, как и те, что сопровождают её на космических высотах. Десятилетия, годы, а то и месяцы накладывают на нее свои черты, меняют оттенки, вкусы и сочинителей, и слушателей. Но есть песни, над которыми время не властно, они существуют независимо от сиюминутных симпатий.

Не один раз мне в разных странах доводилось быть сви-

детелем, как среди грохота электрогитар и взвинченных современных ритмов возникала мелодия «Подмосковных вечеров». И вдруг все затихало, и люди разных возрастов, национальностей и убеждений начинали петь, каждый на своем языке, и думая о чем-то своем, сокровенном.

Таковы песни Василия Павловича Соловьева-Седого. Мне приходилось наблюдать, как на молодежных вечерах, где слушали новейшие магнитофонные записи, зазвучавшая «старая» песня «Прощай, любимый город» внезапно объединяла вкусы и рождала какое-то особое лирическое настроение.

В чем секрет музыки Со-

К 60-летию В. Соловьева-Седого

ловьева-Седого? Мне кажется, в органическом слиянии народной основы и яркой творческой индивидуальности.

Часто у нас создаются неплохие песни в народной манере, но они несамостоятельны и потому — не более чем сглизация, копии прекрасных образов, не могущих вступить в соревнование с оригиналом. Случается и наоборот: яркий почерк автора налицо, но он не выходит за рамки определенного течения, не произрастает на почве национальной культуры.

Песням Соловьева-Седого свойственно редкое сочетание: здесь объединились народные традиции и яркая композиторская индивидуальность. Самой природе русской песни, подкупающей лиризмом и задушевностью, не свойственна выспренность, фальшь, поза. О чем бы ни рассказывал Соловьев-Седой в музыке — о солдатах, о любви, о Ленинграде, о Родине, — он всегда делает это по-своему, но с русской проникновенностью и скромностью в чувствах.

Как любой большой мастер, Соловьев-Седой не замыкается в неприступной крепости жанра. Его перу принадлежат оперетты, два балета (из них один — «Тарас Бульба» — широко идет на сцене). Думает

композитор и об опере: у него есть наброски «Любови Яровой» и другие замыслы.

Собственно, сама особенность, демократическая сущность советской музыки уничтожает границы жанров.

Мне кажется, что временные уходы Соловьева-Седого от песни плодотворно сказываются потом и на его песенном творчестве. Это очень важный момент композиторской биографии.

Песня Соловьева-Седого всегда своя, неповторимая, словно вмещает в себя народную душу. В самой маленькой песне он остается большим художником.

Андрей ПЕТРОВ.

г. Ленинград.